

конгрегации женских монастырей Фонтевро,³¹⁹ и монахини этого аббатства до того его боялись, что, когда он приезжал в какой-нибудь из монастырей, они все дрожали от страха. И чтобы умирить его требования и умилостивить его, они оказывали ему поистине королевский прием. Вначале он еще против этой торжественности протестовал, но потом, к пятидесяти годам, понемногу оценил внимание монахинь и, проникшись убеждением, что всем своим благоденствием аббатство это обязано ему, решил, что следует, елико возможно, беречь свое здоровье. И хотя по уставу ему и не полагалось есть мясо, он стал позволять себе исключения из этого правила, оправдывая это тем, что вся тяжесть забот об аббатстве лежит на нем.

Он стал так обильно питаться, что через некоторое время из человека худощавого превратился в толстяка. А с изменением самой жизни изменились и его взгляды, и он начал обращать внимание на женские лица, что раньше всегда почитал за грех. И чем больше он заглядывался на красавиц, которые сквозь покрывало казались ему еще более прелестными, тем больше пробуждалось в нем плотское вожделение. И он стал изыскивать разные хитроумные способы, чтобы усладить свою плоть, и постепенно из пастыря своего стада превратился в волка. И если в каком-нибудь из монастырей он находил девушку совсем еще юную и невинную, он не упускал случая ее соблазнить. Так он жил довольно долгое время, но в конце терпение Всевышнего истощилось, он пожалел своих заблудших оЕечек, и власти этого жестокого человека, как вы увидите из моего рассказа, наступил конец.

Однажды, приехав в монастырь Жиф,³²⁰ расположенный неподалеку от Парижа, приор стал там исповедовать всех монахинь, одну за другой. Среди них была некая Мария Эроз.³²¹ Голос этой девушки был приятен и нежен, и легко можно было предположить, что та же приятность есть и в лице ее, и в сердце. И, слушая ее исповедь, святой отец воспылал к ней такой любовью, какую ни одна другая женщина в кем до того не пробуждала. Разговаривая с ней, он наклонился к ней совсем низко и увидел ее свежие розовые губы. И он не мог удержаться, чтобы не приподнять покрывало и не посмотреть, столь же ли хороши ее глаза. И он увидел, что это действительно так. И с той минуты сердцем его овладела такая томительная страсть, что он перестал пить и есть, и как ни старался скрыть свое чувство, исхудавшее лицо его выдавало. Вернувшись в свой приорат, он уже больше не знал покоя. Все мысли его были о Марии, он перестал спать по ночам, стараясь придумать, как бы ему удовлетворить свое желание и поступить с нею так же, как поступал с другими. Он, правда, боялся, что это окажется делом нелегким; девушка эта была благоразумна и скромна и настолько сообразительна, что надеяться на успех ему особенно не приходилось. Понимая, что он безобразен и стар, приор решил, что говорить он с ней ни о чем не станет, а постарается воздействовать на нее страхом. Вскоре вслед за тем он снова приехал в упомянутый монастырь Жиф и был на этот раз еще более придиричив, чем обычно, и гневался на всех монахинь, ругая одну за то, что она опускает покрывало недостаточно низко, другую за то, что слишком высоко поднимает голову, третью за то, что она не умеет класть поклоны, как это подобает. И ко всем он был так строг, что им казалось, что это сам господь бог призывает их на Страшный суд. А так как он страдал подагрой, то к концу дня до того устал, что в час, назначенный для вечерней службы, он решил никуда не ходить и остаться в отведенной ему келье. Аббатиса сказала ему:

– Святой отец, уже время служить вечерню.

– Ступайте, матушка, и пускай начинают без меня, – ответил он. – Я так устал, что останусь у себя, – и не затем, чтобы отдохнуть, а чтобы побеседовать с сестрой Марией, о которой я очень много прослышал дурного: мне донесли, что она все время болтает и ведет себя как мирянка.

Аббатиса, которой эта монахиня приходилась внучатой племянницей, попросила его хорошенько отчитать девушку и, послав за ней, оставила ее в обществе приора и сопровождавшего его молодого монаха. Оставшись с Марией, святой отец пытался поднять ее покрывало и приказал ей глядеть ему в глаза. Она же ответила, что по уставу ей не положено глядеть на мужчин.

³¹⁹ *Фонтевро* – женский монастырь в провинции Анжу, недалеко от Сомюра, основанный в XI в.

³²⁰ *Монастырь Жиф* – старинный монастырь под Парижем, недалеко от Версаля.

³²¹ *Мария Эроз*. – Это реальное лицо. Ее хорошо знала Маргарита Наваррская, так как Мария была сестрой известного поэта эпохи Антуана Эроз (ок. 1492–1568), автора лирических стихов и поэмы «Совершенная возлюбленная» (1542). Эроз входил в так называемую «лионскую школу» поэтов, находившуюся под покровительством Маргариты. Полагают, что рассказанная в новелле история действительно имела место.